

Независимая газета

И НЕВОЗМОЖНОЕ ВОЗМОЖНО

Почему Россия не Казахстан

2007-10-05 / Дмитрий Ефимович Фурман - доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института Европы РАН.

До последнего времени политическое развитие России шло по обычному сценарию развития имитационных демократий. Общество свергает недемократический режим и провозглашает демократию, но жить в условиях демократии не может, и она быстро превращается в камуфлированный демократическими формами авторитаризм. В новой и новейшей истории этот процесс в разных странах повторялся десятки раз, и даже сейчас в условиях имитационных демократий живут едва ли не большинство стран бывшего «третьего мира» и все страны СНГ, кроме своеобразно развивающейся Молдавии и тех стран, где цикл развития этих систем уже закончился цветными революциями.

Родство по крови

Так как все страны СНГ вышли из одной советской «матки», этапы, формы и даже хронология процесса сначала построения, а потом – саморазрушения этих систем у них примерно одни и те же.

Ельцин разогнал парламент. А Назарбаев разогнал даже два подряд (хотя в отличие от Ельцина бескровно), и другие президенты разгоняли.

Мы после разгона парламента приняли суперпрезидентскую Конституцию – и в других странах приняли.

У нас выборы президента, а теперь уже и парламента организованы так, что исход их известен заранее – и точно так же они организованы в других странах.

У нас президентская власть вступила в конфликт с олигархами и одних уничтожила, других «построила», а в Казахстане это произошло даже раньше, чем у нас.

У нас власть прибрала к рукам СМИ, прежде всего телевидение, и везде она его к рукам прибрала.

У нас власть вначале была «беспартийная», а затем создала «Единую Россию», и совершенно такие же партии возникли (раньше, чем у нас) в Азербайджане, Казахстане, Таджикистане.

Можно привести еще множество разных аналогий. И это не следствия взаимовлияния, а просто следствие того, что у нас политические организмы одного и того типа, развивающиеся по общей «встроенной» в них схеме.

Конечно, субъективные, ситуативные и культурные факторы модифицируют эти общие процессы. Где-то процесс идет быстро, где-то медленнее, какой-то президент – из парработников, как Назарбаев, какой-то – из чекистов, как Гейдар Алиев, а какой-то – даже из интеллектуалов, как цитировавший Платона Акаев. Но эти отличия – «стилистические», и они не более значимы, чем отличия статуй Туркменбаши от статуй Ким Ир Сена.

Шахматная партия

Ничем особым, принципиальным Россия в этом ряду не выделялась. Правда, у нас произошло событие, аналогичного которому в СНГ не было нигде, – переход власти от Ельцина к Путину. Но это – не принципиальное отличие, поскольку вызвано оно было явно несистемным фактором – здоровьем Ельцина (и, добавим, отсутствием у него в отличие от Гейдара Алиева взрослого и деятельного сына). Различия между ельцинской политикой и политикой путинской – это (во всяком случае, пока) различия не столько между людьми, сколько между этапами развития системы. (Например, Назарбаев, более молодой и здоровый, чем Ельцин, сам естественно перешел от роли скорее Ельцина к роли скорее Путина.) Важные отличия России от других стран СНГ с однотипными режимами появляются только сейчас.

Решение Путина уйти и соблюсти Конституцию – вне нормальной логики развития режимов этого типа. По всем правилам ему надо было не Конституцию сохранять и самому уходить, а, наоборот, самому оставаться, Конституцию же менять, что президенты стран СНГ делали многократно. Тот же Назарбаев правит с 1991 года и будет, очевидно, править до смерти, а сколько раз он менял Конституции и принимал к ним поправки, позволяющие ему править дальше, даже подсчитать трудно. Недавно он открыто призвал своего российского коллегу перестать «валять дурака» и поступить, как он и как все «нормальные» президенты в странах СНГ, но Путин этот призыв проигнорировал.

В режимах имитационных демократий, которым присуща фасадная роль Конституции, изменение ее не грозит дестабилизацией реальной системы власти – наоборот, эта система лишь укрепляется. И напротив, соблюдение Конституции чревато дестабилизацией реальной системы власти. Уход Путина во имя соблюдения Конституции – действие очень опасное и рискованное для системы, основанной на ясной и безраздельной власти одного человека-президента. Любая неопределенность с тем, кто реальный «хозяин», «царь», чревата пресловутым «расколом элиты» и включением в политический процесс более широких слоев населения, у которого появляется что-то вроде возможности выбора. Поэтому, чтобы спокойно совершить свой уход, не допустив борьбы за «престол» и не дестабилизировав страну, Путин проводит сложнейшую и совершенно тайную операцию, включающую множество «ложных ходов» и с определением своего преемника, и с определением своего будущего положения. В нашей системе изменение Конституции – относительно просто, но ее соблюдение требует громадных усилий.

«План Путина» не знает никто (в том числе, я уверен, даже его ближайшее окружение). Любой его новый ход, вроде бы раскрывающий этот план, может оказаться очередным обманым ходом. И даже сейчас гадать о нем бессмысленно – карты будут раскрыты в самый последний момент. Но одно ясно – вся эта сложнейшая шахматная партия, в которой противником Путина является все общество, с одной стороны, не желающее его ухода, с другой – при малейшем признаке ослабления власти и малейшей неопределенности с тем, в чьих руках она находится, готовое сорваться в панику и хаотическую борьбу, затеяна для соблюдения Конституции. Объяснить эту шахматную партию обычными примитивными

«президентскими инстинктами», направленными на захват все большей власти и ее максимальное продление, так же невозможно, как невозможно объяснить такими инстинктами горбачевскую перестройку.

Как это ни странно, Конституция действительно значит для Путина очень много. И целый ряд его высказываний (например, сделанное на съезде «Единой России» заявление, что Конституцию нельзя менять под конкретного человека, что партия не должна отождествлять себя с конкретной – то есть его – личностью, или прозвучавшая недавно на Валдае фраза о том, что вот еще недавно преемников не было видно, а сейчас выясняется, что есть множество людей, которые вполне могут быть президентами) говорят о том, что он стремится как-то (как – не совсем ясно) сойти с нормального и естественного пути эволюции нашего и всех подобных режимов, по которому страна шла с 1991 года.

Не хотим в третий мир

Возникает вопрос: почему же Путин ведет себя не так, как все, как Назарбаев, Каримов или Лукашенко?

Естественно, никакого однозначного ответа на этот вопрос быть не может, или этот однозначный ответ может быть только «пустым» – «потому что человек такой». Но какой «такой», какими мотивами вызвано это поведение, мы не знаем, и Путин – не тот, кто дает легко проникнуть в свои мотивы и планы. Это – вопрос к психологам, психоаналитикам и будущим историкам-биографам.

Но часто бывает, что сквозь чисто личные свойства и вроде бы детерминированные только ими и ситуацией поступки правителя проходят очень глубокие процессы и проступают какие-то глубокие особенности общества. Может быть, дело не только в том, что Путин – не Назарбаев, но и в том, что Россия все же – не Казахстан (и не Узбекистан, Таджикистан и т.д.).

По своей неспособности к самоорганизации, к отстаиванию своих интересов и взглядов перед властью, по страху перед ситуацией выбора, необходимости самим принимать решения русские – никак не «лучше» казахов или других народов стран СНГ. Наше прошлое даже менее способствовало выработке общественной самостоятельности и демократических привычек (казахи, например, выбирали своих ханов, и крепостного права у них не было). Русское общество не имеет сильных «племенных» и региональных лояльностей, которые есть в Казахстане, в Украине и в большинстве других стран СНГ и которые в какой-то мере сдерживают власть, помогают сопротивляться ей. Наше общество – более атомизировано и соответственно – более беззащитно перед властью, легче приходит в панику без нее и легче «ложится под нее», чем многие несомненно «азиатские» общества. Все постсоветское развитие демонстрирует, как легко мы шли к теперешней системе, как она естественна для нас. И зашли мы на этом пути очень далеко. Сама готовность общества совершенно безропотно принять любое путинское решение (Иванов так Иванов, Зубков так Зубков, завтра Путин скажет, что его преемник – какой-нибудь Сидоров, будет Сидоров) говорит о колоссальной слабости общества и колоссальной силе президентской власти.

Но есть и важные отличия России от других стран со схожими системами, делающие такую систему для нас менее органичной, более «неудобной», чем, скажем, для казахов или узбеков.

Русская культура XIX и даже XX века «на равных» участвовала в западной культуре, и Россия как государство с XVIII века принадлежит к «концерту» европейских великих держав. У нас нет того чувства, которое может быть у казахов: демократия потом придет, но главное – что мы впервые в истории создаем казахское государство и современное казахское общество. Сама идея, что мы – нормальная страна «третьего мира», догоняющая другие, для нас совершенно неприемлема, само сравнение нас с Казахстаном и Узбекистаном – унижительно. (И действительно, страна, органически участвовавшая в европейском культурном процессе еще в XIX и даже XVIII веке, – не совсем «нормальная» страна «третьего мира».) Мы ощущаем себя великой и, главное, европейской страной, мы все время сравниваем себя с Западом, и наше движение по вполне типичному «третьемирскому» политическому пути облегчается тем, что мы совершенно не осознаем его типичность и «третьемирский» характер, а думаем, что это – своеобразный, но европейский путь.

И я думаю, что за необычностью путинского поведения стоит такое же его нежелание ощущать себя обычным, нормальным «третьемирским» президентом, как нашему обществу в целом не хочется ощущать себя просто страной «третьего мира», каких десятки, только побольше. С одной стороны, Путин сконцентрировал в своих руках власть ничуть не меньшую, чем у любого центральноазиатского президента, а с другой – проявляет необъяснимую заботу о конституционно-демократическом фасаде, которая даже переходит в нечто большее. В «причудливости» этой, вполне возможно, проявляется «причудливость» российских модернизационных процессов, российской культуры. Наша естественная эволюция выталкивала Путина на роль, аналогичную роли Назарбаева и Мубарака, Сухарто и Маркоса, Алиева и Лукашенко. Но эта роль его не устраивает, ему очень важно быть «европейским политиком», как наше общество в целом не устраивает роль страны «третьего мира» и оно хочет видеть себя «Европой». Стремление Путина соблюсти Конституцию не объяснимо логикой системы, но оно может быть объяснимо культурой.

И именно это дает нам некоторую, слабую надежду на некатастрофический (хотя и небескризисный) выход за пределы нашей системы к демократии.

Спасительная сложность

Имитационные демократии внутренне противоречивы, быстро деградируют, неустойчивы и недолговечны. (Это не значит, что падение таких режимов обязательно ведет к демократии, оно может привести после периода хаоса просто к становлению нового подобного режима.) И чем более они внешне прочны, чем больше в них все «безальтернативно» и управляемо, тем большей дестабилизацией затем приходится расплачиваться за это обществу, как России пришлось заплатить за стабильность XIX века 1917 годом. Цветные революции, которых так боялись, а сейчас перестали бояться президенты стран СНГ, – это очень мягкий вариант падения подобных режимов, возможный лишь при относительно слабых и «либеральных» их формах. И если более жесткие режимы избежали

цветных революций, это означает только то, что их падение будет неожиданным и немягким, и для их правителей когда-нибудь судьба Шеварднадзе или даже Акаева может показаться счастливой.

Мы построили внешне очень прочную и очень управляемую систему. Мы уже прошли ту стадию, когда была возможна мягкая «цветная» революция. Такая революция предполагает способность общества к самоорганизации и возможность такой самоорганизации, наличие мощной оппозиции, которая взяла бы власть, если бы у нее не украли 5–10% голосов, и которая способна вывести на улицы многие тысячи людей. У нас пока речь идет о том, сможет ли кто-нибудь из оппозиционных партий преодолеть избирательный барьер. Если ждать появления ситуации «цветной» революции, то куда проще дожидаться какой-нибудь не цветной катастрофы, коллапса власти и нового периода хаоса.

Но если это в какой-то мере и в какой-то форме понимается президентом, если у него есть стремление сойти с простого и легкого пути, неизбежно ведущего к катастрофе, это дает некоторую надежду. Горбачевская перестройка сделала систему более сложной, противоречивой и неустойчивой, приблизив ее конец. Но если бы ее не было, конец пришел бы позже, зато он был бы значительно страшнее. Путинский уход также делает систему более сложной, противоречивой и неустойчивой. Но если для системы это опасно, то для страны это может быть спасительным. Катастрофический путь падения режимов имитационных демократий – совершенно естественный. Напротив, путь преобразования таких режимов в демократии «сверху» и эволюционным путем почти не представим. (И я лично не знаю таких примеров.) Ведь для перехода к демократии вроде бы надо, чтобы когда-то власть потерпела поражение, но не может же правитель сам создавать оппозицию себе и мечтать о своем поражении. Но и чисто добровольный уход с поста президента – тоже вещь очень необычная. «Почти непредставимое» – все-таки не то же, что «невозможное».